

Сейфулла Фейзуллаевич Рашидов

доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор,
Измаильский государственный гуманитарный университет, г. Измаил, Украина

КОНФЛИКТ МУСУЛЬМАНСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. Исламское возрождение в Дагестане привело не только к изменениям социокультурного облика северокавказской республики. Ислам стал одним из факторов, воздействующих на мировоззрение и формирование идентичности дагестанцев: меняется этноконфессиональный облик исламской идентичности, поведенческие стереотипы, светская идентичность вступает в конфликт с его конфессиональной идентичностью, широкий размах получает радикализация молодёжи.

Характерной особенностью исламской идентичности в постсоветском Дагестане является конфликт мусульманских конфессиональных идентичностей — салафизма и суфизма. По мнению радикальных салафитов ислам запрещает, чтобы правителем над мусульманами был немусульманин, запрещает правление не по законам шариата. Поэтому мусульмане должны строить посредством вооруженной борьбы (джихада) своё, основанное на шариате государство. А представители традиционного ислама считают, что исламское государство можно создать в рамках существующего государства путём просветительской работы.

Ключевые слова: ислам, мусульманская идентичность, салафизм, традиционный ислам, политизация ислама, Дагестан.

С распадом тоталитарной идеологии и появившимся правом на свободу совести и вероисповедания в исламской среде Дагестана происходят серьёзные трансформации. Ислам становится институтом, воздействующим на многие сферы общественной-политической жизни. На передний план выходит проблема конфликта мусульманских идентичностей – салафизма и суфизма, а также политизации ислама. Они **актуальны** по сей день и эти процессы требуют дальнейшего теоретического осмысления.

Методологической основой исследования послужили труды известных исламоведов и кавказоведов: А. Ахтаева, А. Васильева, И. Добаева, Э. Кисриева, Д. Макарова, А. Малашенко, А. Шихсаидова, А. Ярлыкапова и др.

Целью статьи является анализ причин конфликта мусульманских идентичностей в Дагестане и позиции салафитов и суфиев в вопросе построения исламского государства.

Дагестан—мусульманская республика на Северном Кавказе в составе Российской Федерации, где проживает около 40 коренных народностей и с населением более чем 3 млн. человек. Крупнейшими мусульманскими этносами здесь являются аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, табасараны, лакцы и азербайджанцы.

Считается, что именно с Дагестана началось распространение ислама в России. Появившись в северо-восточной части Кавказа в VII-VIII веках, ислам утвердился здесь около десяти веков [1]. А по мнению известного дагестанского историка Амри Шихсаидова «ислам в Дагестане имеет более чем тринадцативековую историю» [2].

Многие эксперты считают Дагестан самым исламизированным регионом в Российской Федерации. На начало 2019 года в республике действуют 2536 религиозных объединений, из них 2480 — мусульманских (среди них 19 шиитских), 51 — христианское, 5 — иудейских. Здесь функционируют 2172 мечети, 265 молельных домов, 19 православных церквей, а также 5 синагог. Фактически прерванная в годы советской власти традиция мусульманского образования получила в постсоветском Дагестане

широкий размах. В Дагестане за последние 30 лет сложилась обширная сеть исламского образования: образовательные услуги предоставляют 6 исламских вузов с численностью обучающихся 810 человек, 16 медресе с численностью обучающихся 1053 человека, 281 примечетская школа с численностью обучающихся около 4000 человек. По разным данным с начала 90-х годов около трех тысяч молодых дагестанцев выехали за рубеж с целью получения исламского образования. Напомним, что в коммунистический период действующих мечетей в республике было около 25. В советский период в Южном Дагестане, к примеру, все мечети были переоборудованы в ковровые фабрики.

Появившееся с распадом Советского Союза право на свободу совести и вероисповедания привели к серьезным изменениям социокультурного облика современного Дагестана. Городской ландшафт неожиданно приобретает ярко выраженный религиозный облик: составной частью городской архитектуры стали большое количество мечетей с минаретами, исламских книжных магазинов, бутиков с мусульманской одеждой, халяльных (дозволенных исламом) кафе и т. д. Свою нишу в медиапространстве заняли исламские сайты и мусульманская пресса на русском языке и на языках народов Дагестана: газеты «Ас-салам», «Нур-ул Ислам», «Исламский Вестник», радиостанция «Ватан», сайт «islam.dag.ru», «salaf forum» и др. Увеличилось количество исламских книжных магазинов, имеющих место при мечетях, на рынках, вокзалах, в учебных заведениях. Ислам стал одним из факторов, воздействующих на мировоззрение и формирование идентичности дагестанцев. Привлекает внимание подчеркнутое стремление дагестанцев к соблюдению некоторых исламских норм. В условиях исламского возрождения соблюдение пищевых запретов приходится принимать к сведению при проведении светских мероприятий, куда приглашают мусульман.

У многих дагестанцев изменились поведенческие стереотипы. Индивидуальная исламская идентичность дополнилась новыми формами религиозного самовыражения в одежде, пище, поведении. Многие женщины стали носить хиджаб, мужчины — бороды и тубетейки, принимать только халяльную (дозволенную шариатом) пищу; у части мусульманской молодежи установилась традиция проводить бракосочетание и свадьбу по исламу. Многие отказались от празднования светских праздников и отдают предпочтение религиозным праздникам. Каждый раз в конце календарного года в соцсетях бурно обсуждают празднование Нового года и установление новогодней ёлки: противоречит ли такое деяние нормам шариата или же ничего греховного в этом нет? В крупных городах и на дорогах можно увидеть плакаты с хадисами (предания о словах и действиях пророка Мухаммада) не только о благонравии мусульманина, но и, например, осуждающими прослушивание музыки. У представителей традиционного ислама распространенной стала практика духовной опеки мусульманина религиозным наставником — шейхом (в республике проживают около 18 шейхов накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов — суфийских братств. Общее число их мюридов (учеников) по примерным оценкам составляет более 100 000 человек).

Индивидуальная светская идентичность здесь находится в состоянии перманентного противоречия и конфликта с конфессиональной идентичностью. В этом смысле характерным для жителей Дагестана является то, что многие мусульмане живут двойственной жизнью: они не против и выпивать, и молиться, что вызывает у мусульманской молодежи резкое неприятие. Правда верхом греховности для них остается потребление свинины. Некоторые родственники игнорируют свадьбы близких, если они проходят по шариату. А традиционной свадьбой с застольем, выпивкой пренебрегают салафиты. Последние часто никакой свадьбы и не играют: заключают никях (бракосочетание) и привозят невесту в дом жениха. Часто это приводит к конфликтам между детьми, придерживающимися строгих исламских правил и родителями, ведущими светский образ жизни. Результат таких противоречий — ещё большая радикализация

молодых людей. Из-за страха радикализации многих родителей пугает исламская идентичность своих детей. И отход от строгого соблюдения исламских правил детьми радует некоторых родителей. «Мой сын стал меньше посещать мечеть, но зато теперь иногда пивко попивает», — делился со мной знакомый в Махачкале.

Особым случаем демонстрации приверженности к исламу в Дагестане является возрождение зияратов (посещение могил святых), каковых в Дагестане уже несколько сот. И число их с каждым годом растет. Буквально на днях мне по телефону религиозные люди говорили, что, возможно пророк Моисей был в одном из районов южного Дагестана. И это место со временем может стать объектом поклонения.

Одной из составляющих исламской идентичности в Дагестане является положение женщин. В 1992 году в Махачкале было открыто исламское медицинское учреждение. Исламские нормы проникают в жизненный обиход и поощряются в семьях, различными политическими и религиозными силами (зачастую вопреки воле женщин и детей). В некоторых семьях мужа обязывают своих жен и детей носить хиджабы (мусульманский женский головной убор). Правда, есть и случаи, когда в городских условиях на работу не принимают в женском головном уборе. Я был свидетелем, как руководитель частного предприятия в Махачкале требовал, чтобы на работу не принимали женщин в хиджабах. Можно подчеркнуть ещё одно обстоятельство, проявляющее самоидентификацию дагестанских мусульман: участие и победы дагестанских девушек в соревнованиях по боксу, борьбе, штанге вызывает негативную реакцию у консервативной мусульманской части общества.

С начала 90-х годов часть мусульман-мужчин стала проявлять повышенный интерес к проблеме многоженства, дозволенного Кораном. В исламских СМИ Дагестана много материалов, в которых утверждается, что наиглавнейшей обязанностью женщин является служение мужу и воспитание детей. Публичные выступления против многоженства становятся все реже, а в религиозных печатных органах полигамия рассматривается как нормальное, во всяком случае, не как негативное явление. Следует заметить, что случаи многоженства малочисленны и в большей степени этим положением мусульманского права пользуются салафиты.

Ещё одним маркером исламской идентичности в Дагестане является колоссальный рост числа паломников из Дагестана. Их число с распадом СССР выросло в сотни, а то и тысячи раз. Подавляющее большинство (свыше 80%) мусульманских паломников из России — это выходцы с Северного Кавказа и в основном из Дагестана. В среднем ежегодно хадж совершают свыше 10 тысяч дагестанцев. При этом квота для всей России составляет 25 тысяч (В коммунистические времена число дагестанских паломников составляли единицы). В связи с этим в Дагестане наблюдается такое явление как коммерциализация ислама — использование хаджа с целью получения прибыли.

Изменился этноконфессиональный облик исламской идентичности в Дагестане. Многие обвиняют муфтият Дагестана в его моноэтничности. В городах мечети часто имеют этническую привязку. Ислам стали принимать русские, организовавшиеся со временем в «Союз новообращенных мусульман». Некоторое время в республике функционировала не признанная ни суфиями, ни салафитами религиозная община «Крачковцы» (кораниты). «Отличительной особенностью этой группы являлось то, что её члены читают молитвы в намазе на русском языке (беря за основу перевод Корана Игнатия Крачковского)» [3]. После убийства в 2010 году их лидера Магомеда Казахбиева, провозгласившего себя Махди (мессией), данная община перестала существовать.

Характерной особенностью исламской идентичности в постсоветском Дагестане является ярко выраженный конфликт мусульманских конфессиональных идентичностей — салафизма и суфизма (традиционного ислама, официального ислама, тарикатизма). Первые конфликты между салафитами и суфиями зафиксированы 1989-90 г.г., а к

середине 1990-х г.г. Дагестан становится эпицентром противостояния салафитов и последователей традиционного ислама.

В чем смысл конфликта или в чем разногласия между салафитами и представителями традиционного ислама? Салафиты (от араб — «предки, предшественники») считают, что необходимо ориентироваться на пример Мухаммада, его сподвижников и праведных предков (ас-салаф ас-салихин). Они отвергают основанные на культурно-этнических особенностях нововведения в исламе.

Их оппоненты — суфии — принципиально называют их «ваххабитами» (по имени одного основателя идеологии салафизма - Мухаммада ибн Абдаль Ваххаба), заведомо определяя их сторонников как фундаменталистов и исламских экстремистов. «Подход к салафизму подавляющего большинства действующих на постсоветском пространстве светских политиков и приближенных к ним экспертов сводится к следующему: во-первых, он в принципе не соответствует догматам и принципам «настоящего ислама»; во-вторых, он чужд традициям местного ислама (многие на Северном Кавказе выражают опасение, что салафийя есть своего рода форма арабизации местных этносов); в-третьих, его сторонники являются не верующими людьми, а спекулянтами от религии; в-четвертых, будучи чужеродным явлением, салафийя распространяется исключительно благодаря финансовой поддержке зарубежных экстремистских организаций» [4]. Вместе с тем, лидер салафитов Багаутдин Кебедов утверждает: «В исламе нет слов «ваххабизм», «ваххабиты». Мы последователи сунны. Наше кредо: следовать Корану и хадису и не делать то, что противоречит им». Главным и единственным способом разрешения разногласий в исламе по мнению салафитов является «возвращение» к Корану и сунне Мухаммада и четырёх праведных халифов. В своих видеолекциях Кебедов неустанно повторяет: «Мы начали очищать ислам от изъянов, ошибок, заблуждений и несоответствия шариату. Их много и больше всего в тарикате», то есть у суфиев. К примеру, салафиты не признают наставника (шейха, устаза) в качестве посредника между Богом и человеком и отвергают суфийскую традицию поклонения «святым местам» (зиярат), как противоречащие фундаментальным основам ислама. В одной из видеолекций, размещенных в интернете, лидер салафитов заявляет: «Всех тарикатчиков я считаю язычниками, все суфии являются язычниками».

Во многих районах и городах Дагестана противоречия между салафитами и суфиями на религиозной основе становятся постоянными. Конфликт салафитов с прочими мусульманами сказывается на отношениях внутри территориальных мусульманских общин, воздействует на межэтнические и родственные отношения. Известны случаи, когда часть односельчан игнорировала похороны, свадьбы родственников и близких из-за неприятия вероубеждения противной стороны.

Официальное духовенство, власть, подавляющее большинство СМИ как региональных, так и центральных заведомо стали отводить салафитам исключительно роль дестабилизирующей силы. В массовом сознании такой подход однозначно способствовал формированию салафитофобии в республике и исламофобии в России.

С самого начала конфликтующие стороны продемонстрировали нетерпимость друг к другу, отказ от любых форм диалога и полное неприятие противной точки зрения. Дагестанские суфии считают салафитов террористами, опасной сектой и угрозой для ислама, а салафиты, в свою очередь, объявляют суфиев «заблудшими», язычниками, обвиняя их в уходе от ислама. На пресс-конференции салафитов и суфиев 1997 года, организованной мэром Махачкалы Саидом Амировым, взявший последним слово муфтий Дагестана Саидмухаммад Абубакаров предложил радикальный и бескомпромиссный способ решения набирающего обороты конфликта: «Решительно заявляю: кризис будет завершен, когда в Дагестане не будет ваххабитов». Власти трактуют салафитов как аномальное явление и видят в них врага, которого проще устранить, чем, вступить с ним в диалог. С тех пор и по сей день многие представители официального духовенства,

рядовые дагестанцы и силовики говорят о необходимости полного уничтожения салафитов. Показательным является название недавней публикации одного из экспертов: «Салафитскую общину Дагестана силовики будут громить до последнего имама» [5].

В данном конфликте публичная власть заняла сторону суфиев, которых принято считать носителями традиционного ислама. В принятой Правительством Республики Дагестан государственной программе «Взаимодействие с религиозными организациями в Республике Дагестан и их государственная поддержка на 2017-2019 годы» сказано о поддержке и «уважительном отношении органов государственной власти республики к традиционным религиям». Муфтият Дагестана в борьбе салафитами находит поддержку у власти. «Против ваххабитов мы должны воевать вместе с милиционерами и чиновниками», - говорит в одной из проповедей муфтий Дагестана.

Правительство изначально сделало ставку на запрет салафизма в Дагестане и поддержку суфиев, что привело только к усугублению межконфессионального конфликта и раскола общества. Для усиления борьбы с салафитами 22 сентября 1999 года в Дагестане был принят даже закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Результатом принятого из конъюнктурных соображений данного закона стало усиление конфронтации в республике. Закон пришелся по душе муфтияту, но подвергся критике правозащитниками. Под давлением общественности и в силу содержащихся там противоречий Конституции России, закон впоследствии был отменен. Тем не менее, закон стал основанием для постановки на учёт «подозрительных по экстремизму» и «приверженцев экстремистской идеологии» молодых людей. На «профучет» в Дагестане по разным данным было поставлено от 7 до 20 тысяч человек. В народе это называют «вахучетом», то есть ваххабитским учетом. Постановка на учет предполагает запись голоса, походки, дактилоскопию и т. д. Мужчины с длинной бородой давно уже стали объектом пристального внимания со стороны правоохранительных органов. Даже некоторые представители официального духовенства признают, что от таких «профилактических мер» страдают невинные люди.

При Президенте Дагестана Магомедсаламе Магомедове властью был инициирован диалог между государством, Духовным управлением мусульман Дагестана и салафитами. Тем самым было продемонстрировано решение сменить тактику поддержки государством одной из сторон внутриконфессионального конфликта и посадить конфликтующие стороны за стол переговоров. По мнению некоторых экспертов, «этот момент, пришедшийся на 2011-2013 годы, стал историческим шансом для дагестанских салафитов по обретению полной общественной и политической легитимности и превращению в полноправную часть дагестанского общества» [6].

Начавшийся диалог был прерван убийством самого авторитетного суфийского шейха республики Саида Афанди Чиркейского (чья могила в мае 2018 года была подорвана боевиками). И вновь все силы были брошены на физическое устранение салафитов.

Мое общение с салафитами дает мне право утверждать о существующем конфликте (или противоречиях на идеологической почве) внутри салафитов. Разделение салафитов на умеренных и радикальных (Багаутдин Кебедев) наблюдается с начала 90-х. Дагестанский салафизм плюралистичен, и уровень религиозного радикализма салафитов различен – от крайних фанатиков и до тех, кто готов к диалогу с религиозными оппонентами и публичной властью. Лидер умеренных салафитов Ахмад-кади Ахтаев открыто говорил: «...я готов сесть за круглый стол с мусульманами, принадлежащими к различным направлениям в исламе, ради согласия и взаимопонимания» [7]. А. Ахтаев, в свое время бравший уроки ислама у суфийских шейхов, уважительно относился и к суфийскому исламу. Его терпимость, «стремление к диалогу с оппонентами, неожиданно

сочетающиеся с сотрудничеством с бесконечно далекими от проблем исламского просветительства чеченскими радикалами, его человеческая мягкость, сочетавшаяся с твердостью в убеждениях, — все это позволяет говорить об особом «ахтаевском феномене». Суть его состоит в попытке реализовать салафитские идеалы на базе конструктивного диалога с мыслящими иначе мусульманами при условии соблюдения государственных законов путем убеждения власть имущих в целесообразности признания салафитской легитимным направлением в исламе» [4]. К сожалению, его умеренные взгляды были отвергнуты как салафитами, так и суфиями, а интеллектуальный потенциал — светской властью.

Другой лидер с сожалением говорил о приверженности части молодых салафитов радикальным методам разрешения конфликта. В качестве иллюстрации идеологии радикальной части салафитов приведём выдержку из проповеди для жителей селения Гурбуки Карабудахкентского района (2010 г.), размещенной на признанном российским судом экстремистским сайте «Кавказ-Центр»: «...Те, кто служит в кафирской армии (армии неверных) или милиции является из числа кафиров и их жизнь, кровь и честь становятся дозволенными (халаль). И запрещено таких людей, как милиционеры, хоронить на мусульманских кладбищах, хоронить по исламским обрядам, омыв их и делать за них дуа (мольба, обращение к Аллаху), потому как, они умерли вероотступниками, умерли враждя с Аллахом и его посланником, убивая мусульман, умерли защищая кафирский строй. И те, кто это делает из числа суфиев и прочие, те нечестивцы. Ибо, на самом деле к мертвым муртадам (вероотступникам) нельзя даже прикасаться, а наши праведные предки, палками как наджас (нечистоты), заталкивали муртадов в ямы и засыпали землей» [8].

Радикальных салафитов иногда называют «джихадистами». Вот слова бывшего лидера салафитов Кебедова: «Смысл джихада — устранить власть неверных и установить власть Аллаха. Мы не хотим кровопролития, но когда перед нами не остаётся других средств, мы вынуждены прибегнуть к нему».

Заметны расхождения суфиев и салафитов во взглядах и на политическую систему будущего исламского государства. Салафиты считают суфиев «проповедниками русской власти на Кавказе» и обвиняют их в сотрудничестве с коррумпированной властью. «А шейх Саид Афанди был ярким сторонником российской власти и призывал всех своих последователей возносить молитвы за Владимира Путина» [9]. Основой исламского государства для салафитов является шариат — комплекс предписаний, закрепленных в Коране и сунне пророка Мухаммада. По мнению радикальных салафитов ислам запрещает, чтобы правителем над мусульманами был немусульманин, запрещает правление не по законам шариата. И мусульманину не дозволено занимать какие-либо должности в таком государстве. В подтверждение своей позиции они ссылаются на аят Корана где сказано: «Те же, которые не принимают решений в соответствии с тем, что ниспослал Аллах, являются нечестивцами» (Коран, 5:47). «При всех противоречиях у радикалов и традиционалистов фактически единая стратегическая цель — тотальная исламизация и шариатизация Дагестана. Но если радикалы-салафиты считают, что достичь этого можно, лишь отколовшись от России и создав собственное государственное образование, то традиционалисты полагают, что образовать «исламское пространство» вполне возможно в рамках Российской Федерации» [10]. И в «случае с суфиями мы видим совершенно иной подход к созданию исламского государства — через активную исламизацию социального организма путем внедрения в него» [11].

Попытки практической реализации идеи халифата радикальными группировками салафитов закончились ничем: созданные в своё время радикалами «мини-халифат» в Кадарской зоне Дагестана и «Кавказский эмират» разгромлены российскими силовиками.

Каковы же причины столь трагического сценария отношений между салафитами и суфиями? Прежде всего — это тотальная коррупция и безработица в республике, бездарная культурная и религиозная государственная политика, низкая роль институтов гражданского общества, распад традиционных общественных отношений, смычка власти и суфиев, игнорирование интеллигенцией данной проблемы, препятствия, чинимые государством и официальным муфтиятом в реализации салафитами права на свободу вероисповедания т. д. Российский фонд «Медиастандарт» по результатам своего исследования состояние института массовой информации в Дагестане определил как неудовлетворительное: слабая инфраструктура для функционирования СМИ и их заангажированность. Бизнес и власть неактивны во взаимодействии с обществом через СМИ, наблюдается низкий спрос на качественную информацию, независимые СМИ функционируют плохо или подавляются (Комитет гражданских инициатив).

Следует отметить еще фактор, способствующий усилению напряженности в общественных и межконфессиональных отношениях в Дагестане. Дело в том, что способы разрешения конфликтов в Дагестане далеки от принятых в демократических государствах. Свое разрешение они находят вне правовой плоскости. Существенную, а иногда главенствующую (например, при бракосочетании и разводе) роль здесь играют адаты (обычаи), нормы шариата, горский менталитет, важнейшей особенностью которого является отсутствие традиций разрешения конфликтов посредством юридических институций и механизмов. Оппоненты часто говорят в адрес друг друга: «они понимают только язык силы».

Выводы. Исламское возрождение в постсоветском Дагестане привело не только к изменениям социокультурного облика северокавказской республики, но и к трансформации мировоззрения и идентичности её жителей.

Важнейшей особенностью исламской идентичности в республике является продолжительный конфликт между салафитами и представителями традиционного ислама - суфизма.

По мнению радикальных салафитов ислам не позволяет, чтобы правителем над мусульманами был немусульманин и запрещает правление не по законам шариата. Поэтому мусульмане должны строить посредством вооруженной борьбы (джихада) своё, основанное на шариате государство. А представители традиционного ислама считают, что исламское государство можно создать в рамках существующего государства путём просветительской работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ходорковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания российского Северного Кавказа. – Москва, 2016.
2. Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Дагестане // Исламоведение. – 2010. – С. 31.
3. Несостоявшийся «Махди». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chernovik.net/content/novosti/nesostoyavshiy-sya-mahdi-0>
4. Малащенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа / А. В. Малащенко. – Москва : Гендальф, 2001. – 180 с.
5. Юсупов Т. Салафитскую общину Дагестана силовики будут громить до последнего имама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onkavkaz.com/news/888-salafitskuu-obschinu-dagestana-siloviki-budut-gromit-do-poslednego-imama.html?fromslider>.
6. Юсупов Т. Салафиты Дагестана упустили свой исторический шанс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onkavkaz.com/news/530-salafity-dagestana-upustili-svoi-istoricheskie-shans.html>
7. Ахтаев А. Суфий должен быть политиком! // Ат-Таухид. – № 1. – С. 17.
8. О неприкосновенности жизни мусульманина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/01/01/69895>

9. Гостев А. Религиовед Муртазали Дугричилов: «Саид Афанди аль-Чиркави призывал молиться за Путина» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/24691924.html>

10. Малашенко А. Куда идёт Дагестан? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2012/11/19/ru-pub-50066>

11. Ярлыкапов А.А. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <islam-na-kavkaze-i-ego-vliyanie-na-konfliktnost-v-regione-i-rossii.pdf>

КОНФЛИКТ МУСУЛЬМАНСЬКИХ ІДЕНТИЧНОСТЕЙ І ПОЛІТИЗАЦІЯ ІСЛАМУ В ДАГЕСТАНІ

Анотація. У статті проаналізовані серйозні трансформації, які відбулися в ісламському середовищі Дагестану у зв'язку з розпадом тоталітарної ідеології та появою права на свободу совісті та віросповідання. Іслам стає інститутом, який впливає на багато сфер суспільного-політичного життя. Зазначено, що на передній план виходить проблема конфлікту мусульманських ідентичностей - салафізму і суфізму, а також політизації ісламу.

Сучасний стан ісламу в Дагестані змальований як на підґрунті історичної довідки, так і на базі статистичних даних.

Ісламське відродження в Дагестані призвело не тільки до змін соціокультурного вигляду північнокавказької республіки. Іслам став одним з факторів, що впливають на світогляд і формування ідентичності дагестанців: змінюється етноконфесійний вигляд ісламської ідентичності, поведінкові стереотипи, світська ідентичність вступає в конфлікт з його конфесійною ідентичністю, широкий розмах отримує радикалізація молоді.

Характерною особливістю ісламської ідентичності в пострадянському Дагестані є конфлікт мусульманських конфесійних ідентичностей - салафізму і суфізму. Проаналізовані причини драматичного сценарію відносин між салафітами і суфіями. Перш за все - це тотальна корупція і безробіття в республіці, бездарна культурна і релігійна державна політика, низька роль інститутів громадянського суспільства, розпад традиційних суспільних відносин, смичка влади і суфіїв, ігнорування інтелігенцією даної проблеми, перешкоди, які чиняться державою і офіційним муфтіятвом в реалізації салафітами права на свободу віросповідання та ін. На думку радикальних салафітів іслам забороняє, щоб правителем над мусульманами був немусульманин, забороняє правління не за законами шариату. Тому мусульмани повинні будувати за допомогою збройної боротьби (джихаду) свою, засновану на шариаті, державу. А представники традиційного ісламу вважають, що ісламську державу можна створити в рамках існуючої держави шляхом просвітницької роботи.

Ключові слова: іслам, мусульманська ідентичність, салафізм, традиційний іслам, політизація ісламу, Дагестан.

THE CONFLICT OF MUSLIM IDENTITIES AND THE POLITICIZATION OF ISLAM IN MODERN DAGESTAN

Abstract. The article analyzes the serious transformations that have been in the Islamic environment of Dagestan due to the collapse of totalitarian ideology and the emergence of the right to freedom of conscience and religion. Islam becomes an institution that influences many spheres of social and political life. It is noted that the problem of the conflict of Muslim identities - Salafism and Sufism, as well as the politicization of Islam, comes to the fore.

The current state of Islam in Dagestan is depicted on the basis of historical background and on the basis of statistics.

The Islamic revival in Dagestan has led not only to changes in the social and cultural appearance of the North Caucasus Republic. Islam has become one of the factors that has an influence for the worldview and identity formation of the Dagestans: the ethno-confessional appearance of Islamic identity, behavioral stereotypes are changing, secular identity conflicts with its confessional identity, the radicalization of youth is wide-spread.

A characteristic feature of Islamic identity in post-Soviet Dagestan is the conflict of Muslim confessional identities - Salafism and Sufism. The reasons for the dramatic scenario of the

relationship between Salafis and Sufis are analyzed. First of all - this is total corruption and unemployment in the republic, talentless cultural and religious state policy, the low role of civil society institutions, the collapse of traditional social relations, the bow of the authorities and the Sufis, the disregard by the intelligentsia of this problem, the obstacles, imposed by the state and the official muftiate in the implementation of the Salafi right to freedom of religion, etc. According to radical Salafis, Islam forbids the rule of Muslims to be non-Muslim, forbids rule not under Sharia law. Therefore, Muslims must build their state, based on Sharia, through armed struggle (jihad). And representatives of traditional Islam believe that an Islamic state can be created within the existing state through educational work.

Keywords: Islam, Muslim identity, Salafism, traditional Islam, Dagestan .